

САМОЗВАНЕЦ: к вопросу о политическом представительстве в этической концепции Бахтина

Татьяна Щитцова

Данная статья является комментарием к нескольким тезисам Бахтина, касающимся сферы политического представительства. Центральным понятием в его видении *проблемы*, своего рода опасности, политической репрезентации выступает понятие «самозванец», которое является *онтологической* характеристикой определенного способа осуществления политической ответственности в социальной жизни. Таким образом, самозванец – это не метафора и, соответственно, не острое слово в «злободневной» риторике политической журналистики. Речь идет о понятии, содержание которого определяется из концептуальной взаимосвязи онтологии (как учения о бытии сообщества), этики и политики.¹ Это значит, что, говоря «самозванец», мы разоблачаем такой способ политического представительства, который *расходится* с этической ответственностью и вследствие этого вступает в структурное противоречие с плюралистическими принципами конституирования социальной жизни. В 1919–24 гг., когда были написаны интересующие нас работы Бахтина², у него перед глазами была своя «фактичность» исторической жизни сообщества, и здесь не место сравнивать актуальную политическую реальность с той, которая мотивировала мысль Бахтина. Я лишь хочу прояснить феномен самозванства, мотивируясь нашей собственной политической ситуацией. Рассмотрение указанного вопроса в онтологической (феноменологической), а не исторической (культурологической) перспективе позволяет при этом в максимальной степени десубстанциализировать нынешнюю власть и говорить о ней с точки зрения актуального горизонта возможностей бытия сообщества, т. е. говорить о ней как об *одной* из возможностей такового, а именно – той, которая требует разоблачения в *его* пользу.

Особенность нашей ситуации, нашего политического «случая» позволяет говорить о связи двух значений самозванства в бытии-друг-с-другом, которые рассматриваются Бахтиным отдельно и в разных контекстах. Одно³ вводится непосредственно в рамках обсуждения вопроса политического представительства и связано с определенным отношением индивидуума к превосходящему его «большому целому» (к общности, которую он как политический деятель репрезентирует); другое⁴ рассматривается как характеристика индивидуалистической тенденции к самодостаточности, превращающей человека, по выражению Бахтина, в «темного стихийно-пассивного частника»⁵ в бытии.

Речь идет при этом не о двусмысленном употреблении интересующего нас понятия, а о двух профилях самозванства, которые могут быть выделены в практической жизни.⁶ Предлагаемый здесь комментарий к понятию «самозванец» у Бахтина является в таком случае не просто поясняющим, а с необходимостью развивающим, описывая *de facto* такой тип самозванства, который совмещает в себе оба указанных профиля, — этот *онтологический казус* и является темой данной статьи.

Прежде всего, необходимо, хотя бы кратко, разъяснить саму связь онтологии, этики и политики в философской концепции Бахтина. Центральным онтологическим понятием таковой выступает не «бытие», а «событие», понимаемое как *сингулярное* свершение конкретного бытия-друг-с-другом. Участие в событии рассматривается как вопрос («дело») моего отношения к *другому* «в связывающем нас событии». Важно подчеркнуть, что «связь» эта не мыслится как тотализирующая. Событие — это не некое превосходящее меня и другого субстанциальное целое, не тотальность, а сам способ осуществления сообщества, возможный благодаря тому, что Бахтин называет «онтологически-событийной разнозначностью»⁷ меня и другого, т. е. благодаря нередуцируемости различия между мной и другим к некоему нейтральному (всеобщему) «третьему». Это различие выступает структурным условием события и имеет, согласно интерпретации Бахтина, фундаментальный этический характер, является этическим различием *par excellence*. Неизбежность этической тональности — пафоса — события обусловлена тем, что говорить о своей причастности таковому возможно только в перспективе первого лица, т. е. *лично* участия в событии. Собственная вовлеченность в действительную историческую жизнь, фактичность собственного «и я есмь»⁸ является исходной точкой понимания события (и для до-философской практической жизни, и для специальной философской проблематизации). Обращаясь к своей фактичности, я нахожу, что все мое существование подчинено фундаментальному факту «моего не-алиби в бытии»⁹, означающему простую и совершенно неумолимую («нудительную», как говорит Бахтин) вещь: коль скоро я уже есмь здесь, в конкретных жизненных связях с другими, никто не может снять с меня *мою* ответственность за происходящее, никто не может отвечать *вместо* меня. Этот факт является конститутивным для самой единичности самости и как таковой вводит в действие изначальную этическую асимметрию (событийную «разнозначность») между мной и другими: мое отношение к ним, к каждому конкретному другому разворачивается «всегда уже» в горизонте моего не-алиби. Это отношение — отношение изначальной ответственности — необратимо.¹⁰ Разговор об ответственности другого, безусловно, легитимный и практически востребованный, оказывается, тем не менее, вторичным, производным, постольку, поскольку движется в плоскости морального эгалитаризма (нормирующей (юридической) всеобщности¹¹), ценности которого могут быть обоснованы только исходя из первичного

факта моей необратимой ответственности, позволяющей определить бахтинское понимание человека как бытие-в-ответе.

Для тех, кто хотя бы немного знаком с историей феноменологической философии в XX в., приведенные тезисы не могут не вызвать аллюзий, с одной стороны, с хайдеггеровскими концепциями *Dasein* и *Ereignis*, с другой – с этической философией Левинаса. Здесь не место прояснять параллели и различия между философскими учениями указанных авторов и учением Бахтина, поэтому ограничусь самым общим разграничением их подходов, необходимым для того, чтобы обозначить оригинальность бахтинской постановки вопроса об этическом событии. От экзистенциальной аналитики, равно как и от позднего «событийного» мышления Хайдеггера, философию события Бахтина самым принципиальным образом отличает место вопроса о другом, об отношении к другому в анализе фактического бытия самости и событийности исторической жизни. Для Бахтина говорить о самости («моей единственности»), равно как и о событии, возможно лишь постольку, поскольку имеет место мой ответ другому; без ответного отношения к другому ни самость, ни событие не мыслимы – во всяком случае, фактическая самость и действительное событие. От учения Левинаса философию Бахтина отличает, в свою очередь, именно событийный подход, т. е. рассмотрение изначальной этической асимметрии в ее действенно-историческом значении, в модусе этической *активности*. В этом смысле учение о событии – это прояснение этики *in actu*, или, используя определение самого Бахтина, – *философия поступка*.

Итак, событие выступает изначальным различием. Именно благодаря этой структуре оно имеет характер обновления и обогащения исторической жизни: через ответ другому конкретная intersубъективная связь возрождается, так сказать, на новых началах. Определяющей в бахтинском понятии события является идея «прибыльности», творческого прироста в бытии, т. е. такого осуществления сообщества, которое характеризуется плодотворным обновлением социальных связей. Как таковое событие есть разрыв любой тотальности, любого status quo, любого наличного порядка вещей. Другими словами, событие рассматривается как предельная онтологическая возможность сообщества – не утопия, а *заданность*, определяющая актуальную телеологию фактического «друг-с-другом». В качестве такой возможности событие выступает одновременно *моей* этической задачей – «моей» в той мере, в какой соответствующее сингулярное событие фундируется в моем ответе другому. Само участие в событии возможно для меня только в силу ответа, ответной активности в бытии-друг-с-другом. Ответственность для Бахтина – это вопрос исторического воплощения. Я не создаю и не контролирую событие, я не могу его присвоить, я вступаю в него как в «заданный план моей активности»¹² всегда уже в качестве отвечающего, более того, в качестве *ответчика*, но именно таким образом непредопределимое событие оказывается, тем не менее, делом моей ответственности¹³. Участие в событии описывается у Бахтина как безмерный риск и одновременно высшая серьезность – как главная драматиче-

ская интрига человеческого бытия. Отсюда становится понятно, что само различие онтологии и этики является устаревшим штампом, которого Бахтин как раз избегает, находя новый язык и новый способ концептуализации действительной жизни сообщества.

Поскольку мир, в котором я взаимодействую с другими, рассматривается как «действительный мир поступка» (только через обращение к поступку я могу говорить о мире в терминах события), политическое действие оказывается не просто конкретным примером такого (и уже в силу этого включенным на правах «первой скрипки» в постметафизический проект «первой философии» как философии события), но претендует, как будто бы, на особую миссию в событийном свершении истории, ибо, не стесняясь, заявляет своей целью благо других, процветание сообщества. Однако в этой нескромности, или, как говорит Бахтин, неоправданной гордости кроется как раз та опасность, которая получает имя самозванства. Из рассуждений Бахтина следует, что можно различать два рода политического действия: прямое и опосредованное. Первое осуществляется на основании прямой персональной ответственности, заставляющей меня поступать в конкретных обстоятельствах так, а не иначе¹⁴; второе совершается в модусе представительства, которое, так сказать, «специализирует мою персональную ответственность», предполагая, что я выступаю не сам от себя, а от «некоего большого целого», как его уполномоченный представитель. Самозванство является способом политической жизни, возможным как раз благодаря функции представительства. Подчеркнем – возможным. Будучи неотъемлемой чертой политической жизни, представительство само по себе не является каким-то пороком, но оно в определенном смысле располагает к самозванству¹⁵, делает его возможным в силу того, что моя персональная ответственность должна выступить здесь не от своего имени, что у нее появляется другой центр тяжести, репрезентируя который она словно вырастает в собственных глазах, обретая весомость, прямо пропорциональную «величине» той целостности (определенной коллективной идентичности), которую я репрезентирую. Аморальность представительства тогда можно определить как его притягательность, заставляющую забыть о *прямой* ответственности в пользу ритуализированной репрезентации коллективного целого. «Пытаясь понимать всю свою жизнь как ... представительство, – пишет Бахтин, – и каждый свой акт как ритуальный, мы становимся самозванцами».¹⁶

Этическая проблема представительства заключается, таким образом, в том, что прямая ответственность за свои поступки (т. е. удостоверение своего не-алиби в бытии) должна найти преломление в репрезентации коллективного интереса. Это проблема политического самоопределения как этического акта. Сама связь этического и политического в представительстве является вопросом моей ответственности и, будучи проблематической по существу (т. е. выступая всегда как *задача*), предполагает два возможных сценария: один, когда представительство и уполномоченность «не отменяют, а лишь специализируют мою персональную ответственность»¹⁷, коренятся в ней;

другой, когда момент прямой ответственности меня как единичного субъекта «выпадает, и я остаюсь только специально ответственным», оказываясь, таким образом, *одержимым*¹⁸ своей представительской функцией. Этот второй сценарий и есть как раз случай самозванства: *политическая деятельность, не имеющая референции в этической ответственности*. Превращение политика в самозванца кроется в провале (*импотенции*) этического самоопределения, которое одно только может препятствовать самозабвенному отождествлению себя с репрезентируемым целым. Этическое самозабвение принимает вид политического самомнения. Через такого рода одержимость, подчеркивает Бахтин, ответственность *дереализуется*: «Поступок неоправданно горд, и это приводит только к тому, что [действительность] начинает разлагаться отвлеченно-смысловой возможностью»¹⁹. Здесь как раз уместно вспомнить о третьем, эстетическом, профиле самозванного способа бытия у Бахтина, который, подобно политическому, также характеризуется несвязанностью этической ответственностью, в чем, собственно, и заключается «соблазн эстетизма» как одной из экзистенциальных возможностей человеческого бытия²⁰. Упоминание этой возможности уместно и полезно потому, что именно в эстетической сфере мы находим понятие, позволяющее осмыслить то разложение действительности в отвлеченной возможности, в силу которого реальный политик превращается в некое фантомное образование, а эстетик находит себе прибежище *в роли* собственного «двойника-самозванца»²¹, — это понятие воображения. Нужно понять, что если одержимость — это форма патологии (в нашем случае — одержимость «уполномоченностью», т. е. одержимость властью), то воображение имеет ретроактивный характер: оно заполняет разрыв между этической импотенцией (моральным уродством?) и высокой политической миссией, питая патологическое самомнение «слуги народа». Как таковое оно имеет своим источником коллективное бессознательное и, будучи патологией в пределах вменяемости, находит приложение своей «продуктивной силе» не в чеховской палате, а в публичной сфере.

Самозабвенной гордости такой дереализованной — т. е. ущербной в этическом отношении — политической ответственности Бахтин противопоставляет смирение: «Нужно смириться до персональной участности и ответственности»²², — говорит он, имея в виду политическое представительство. Смирение здесь не знак пассивности, а ровно наоборот. Оно означает постоянное возобновление этического самоопределения, т. е. непреклонное возвращение в самой своей представительской функции к этической ответственности перед другими в конкретных обстоятельствах и в этом смысле — сопротивление тому, чтобы «забыться» в ритуальных жестах «уполномоченного представителя». Вспомним, что этическое самоопределение понимается Бахтиным не как некий имманентный (трансцендентальный) акт, а как фактическое конституирование самости через ответ другому. Самость носит реляционный характер, что было зафиксировано выше в определении человеческого бытия как бытия-в-ответе, фиксирующем не-

редуцируемый этический смысл человеческой жизни. Смирение осуществляет, таким образом, постоянное *различение* представительской функции, наделяющей меня как этическую самость (как личность) определенными полномочиями и позволяющей выступать от имени «большого целого», и моей *единичной* этической позиции («места в бытии», как говорит Бахтин), незаместимость которой означает ее принципиальную партикулярность и относительность – необходимость определяться в бытии-с-другими в качестве отвечающего, *ответчика*, удостоверяя, таким образом, ответственность, заключенную в самом факте *моего* не-алиби в бытии. Одержимость самозванца означает как раз этическую неспособность проводить такое различение, отделять себя как единичную самость от выполняемой функции. Одержимость уполномоченностью оказывается обратно пропорциональной *этической* вменяемости такого субъекта: чем меньше он обнаруживает способность к этическому самоограничению в отношениях с другими, тем больше его амбиции как «уполномоченного представителя».

Можно, конечно, предположить, что где-нибудь в «тиши кабинета» некая тоска по указанному различению, смутное беспокойство или особого рода меланхолия напоминают такому самозванцу о его собственной единичной самости в ее голой *неуполномоченности*. Но это уже, скорее, сюжет для психоаналитика, который, наверняка, нашел бы данный случай «любопытным» в своей психотерапевтической практике. Меня же сейчас интересуют исходные этические основания политического самоутверждения такого «деятеля», сам способ его бытия как политической фигуры. В этой связи заключения психоаналитика тоже представляли бы безусловную ценность. Таковой мог бы, например, указать, что посещающая иногда его пациента «смутная тревога», вызванная этической ничтожностью его самости, согласно законам психической жизни должна быть непременно компенсирована утверждением собственной политической значимости и исключительности, и что фундаментальный характер этой тревоги, ее неотвязность могут сообщить политической деятельности (рассматриваемой в аспекте компенсаторной функции) параноидальные черты. Возможно, он даже поведал бы нам, что главным кошмаром, который неотступно мучает его высокого клиента, является андерсоновский голый король.

Этическая работа смирения заключается, таким образом, в постоянном *разоблачении* неоправданной гордости собственного представительства. Она не позволяет самовозвеличиться и застыть («забронзоветь», как метко подсказывает слэнг) на пьедестале уполномоченности, откуда не может разворачиваться этический диалог с другим, а могут лишь поступать «ответственные» распоряжения, установления от имени символизируемого целого, обретающего в лицемерном самонимии самозванца тоталитарные черты. Смириться значит сослупить с пьедестала, проявить этическую сдержанность, противопоставить безнравственной одержимости властью собственную этическую вменяемость, т. е. признание того, что в любых обстоятельствах твоя номер *второй*, что ты «всегда уже» отвечаешь другим и перед дру-

гими. Смирение — это утверждение *своего* партикулярного места в бытии. Как только оно становится фантомным местом на пьедестале, оно пресекает возможность этического отношения к другим, становясь тем самым местом самозванца.

Вернемся еще раз к понятию события у Бахтина. Как онтологическая возможность сообщества — возможность плодотворного обновления интересубъективных (социальных) связей — событие основывается на принципе ответа как ответственного участия в жизни конкретного сообщества; в этом смысле оно, как было отмечено, является этической задачей фактической самости. Самозванный способ бытия интересует в этой связи Бахтина как фактическое препятствие осуществления события, как причина стагнации и обеднения в бытии, деградации социальной жизни. Благодаря властным полномочиям самозванец, устанавливая вертикальное правление, нарушает структурное условие событийного обновления сообщества — плюралистическое различие в бытии-друг-с-другом. Амбиция самозванца в том и состоит, чтобы воспрепятствовать полифоническому принципу формирования социально-политической реальности (публичной сферы) и подчинить таковую авторитарному — монологическому — правлению, в котором голос «народного избранника» фантазматическим образом отождествляется с голосом самого народа. Цена такого представительства — тотальное узурпирование права других на политическое событие, инициативное обновление социально-политической жизни, ответное участие в таковой, трансцендирующее существующий порядок в пользу творческого обновления сообщества. Неспособный к продуктивной политической деятельности на условиях этической сдержанности и самоограничения самозванец компенсирует этот «дефект», присваивая себе («беря в свои руки») на правах «уполномоченного» генеративную (производительную, порождающую новое) способность сообщества как таковую и полагая ей тем самым абсолютный предел в лице своего политического самомнения.²³

Здесь как раз и вступают в силу характеристики, описывающие второй профиль самозванства у Бахтина, о котором упоминалось вначале. Будучи адресованы в его анализе частному лицу, чья позиция в жизни определяется этической пассивностью, т. е. дистанцированностью по отношению к любым этическим требованиям в претензии «самодовольно пребывать в своей наличности»²⁴ — в «самозванстве данности»²⁵, как говорит Бахтин, — эти характеристики становятся определяющими чертами узурпатора, автономность которого является автономностью того самого «стихийно-пассивного частника», который самодовольно заправляет своим «приватным хозяйством», тешась собственной самодостаточностью. В рамках событийной трактовки человеческого бытия и сообщества такое «удивительное» самодовление определяется у Бахтина как «бытие лжи или ложь бытия»²⁶. Изобличение этой лжи — разоблачение самозванца — является необходимой политической задачей общества, желающего вернуть себе возможность события. Публичность такого разоблачения и стала бы знаком события, возрождения общества к новым возможностям.

Я хочу указать и на особый этический смысл такого разоблачения, извне выполняющего работу смирения, на которую сам самозванец патологически неспособен. В экзистенциально-этическом плане такое разоблачение могло бы (в идеале, конечно, и опять же, наверно, не без помощи психоаналитика) привести субъекта к освобождению от одержимости властью, этическому раскаянию и... пробуждению к новой жизни. И если это возможно себе представить, то не является ли нашим этическим долгом помочь «ближнему» обрести свободу?

Р. С. Возможно, стоит еще раз подчеркнуть, что рассмотренное здесь понятие самозванства является в определенном смысле *априорным*, т. е. выступает условием возможности соответствующего социального поведения. Согласно проведенному анализу, в строгом феноменологическом смысле, человек называется самозванцем не потому, что он незаконным образом изменяет конституцию, чтобы оправдать свое правление, а он поступает так потому, что самозванство является способом его политической жизни. Человек может, пишет Бахтин, существовать «на молчаливой основе своего алиби в бытии»²⁷. Речь идет о существовании, *не признающем над собой суда другого человека*.

Примечания

- ¹ Сегодня это уже хрестоматийный факт, что постметафизическая трансформация философии привела к такому переопределению «места» вопроса о бытии, которое сделало невозможным его абстрактную (отличенную от вопроса о сущем) тематизацию. Вследствие этого «знаком времени» стали такие проекты «первой философии», в которых «онтологическое», или же «метафизическое», мыслится как измерение, открываемое самой плюральностью (дифференциацией) сущего (личностей, сообществ, культур, наций, партий и т. д.). Левинас, Нанси, Касториadis, Хабермас – вот только несколько имен, которые можно упомянуть в этой связи.
- ² *К философии поступка и Автор и герой в эстетической деятельности*.
- ³ Бахтин М. М. *Работы 1920-х годов*. Киев, 1994. С. 50–51.
- ⁴ Там же. С. 185–188.
- ⁵ Там же. С. 188.
- ⁶ Есть еще и третий, *эстетический*, профиль, к которому мы вернемся позднее. См.: Бахтин М. М. Цит. соч. С. 24.
- ⁷ Там же. С. 66.
- ⁸ Там же. С. 17.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ См.: там же. С. 67.
- ¹¹ См.: там же. С. 30. Это один из пунктов критики Бахтина в адрес моральной философии Канта.
- ¹² Там же. С. 67.
- ¹³ Бахтин пишет: архитектура события (т. е. структурное различие меня и другого. – Т. Щ.) «дана и задана... Она не дана как готовая и застывшая, в которую я помещен пассивно, это ... архитектура, непрестанно активно осуществляемая моим ответственным поступком, поступком возводимая и только в его ответственности устойчивая» (там же).
- ¹⁴ Бахтин не проясняет эту возможность, она остается имплицитным моментом его обращения к теме политического акта. Ясно, что речь идет о политическом действии, *герой* которого является изначальная этическая асимметрия. Впоследствии, как известно, Левинас (в *Тотальности и бесконечном*, в частности) пытался по-

казать, что «человечность» социальных институтов, государства в целом определяется из этого первичного этического отношения к другому, а в более поздней работе (*Иначе чем быть, или По ту сторону сущности*) подошел к этой проблеме с другой стороны, открывая в самом отношении к Лицу измерение, связывающее мою ответственность перед ним с межчеловеческим вопросом справедливости – другими словами, открывая политическое в этическом. Проблема взаимодействия этического и политического выступает, соответственно, как проблема «третьего» в межличностном отношении, которая тезисно была зафиксирована и у Бахтина. В данной статье мы не затрагиваем ее, сосредоточиваясь исключительно на той особой форме политической ответственности, которая (в силу самозванства) требует этического разоблачения. Конфликтная взаимосвязь этического и политического остается, таким образом, фоном наших рассуждений.

15 На строгом философском языке речь идет о представительстве как априорном условии возможности политического самозванства.

16 Бахтин М. М. Цит соч. С. 50.

17 Там же.

18 Там же.

19 Там же. С. 51.

20 Тема, возникшая у Бахтина, конечно же, под влиянием философии Киркегора (учения о трех стадиях существования: эстетической, этической и религиозной).

21 Бахтин М. М. Цит. соч. С. 24.

22 Там же. С. 50.

23 О том, насколько подобное узурпирование находит для себя почву в национальном этосе, см.: Щитцова Т. *Под патронажем: авторитарный режим в свете культурной антропологии* // *Тотос*. 2005. № 1(10). С. 19–28.

24 Бахтин М. М. Цит. соч. С. 187.

25 Там же. С. 186.

26 Там же. С. 187.

27 Там же. С. 44.